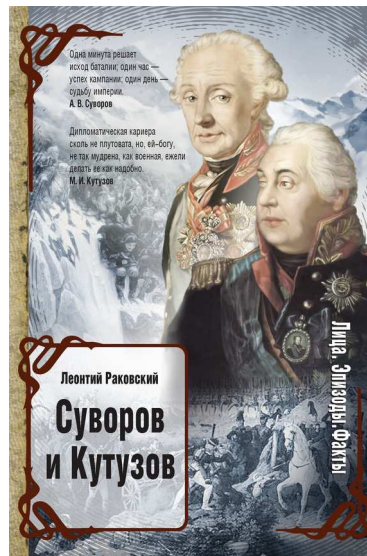

Одна минута решает
исход битвы; один час —
успех кампании; один день —
судьбу империи.
А. А. Суворов

Дипломатическая карьера
слова не заслуживает, но ей-богу,
нет так мудрено, как военная, ежели
делать все как надобно.
М. И. Кутузов

Леонтий Раковский

Суворов и Кутузов

Лича. Эпизоды. Факты

Леонтий Иосифович Раковский
Суворов и Кутузов (сборник)
Серия «Лица. Эпизоды. Факты»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379375
Леонтий Раковский. Суворов. Кутузов: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086557-4

Аннотация

В книгу вошли две самых полных и подробных биографии знаменитых русских полководцев А. В. Суворова и М. И. Кутузова принадлежащих перу талантливого писателя и историка Леонтия Раковского.

«Ваша кисть изобразит черты лица моего – они видны. Но внутреннее человечество мое сокрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего. Во всю жизнь мою никого не сделал несчастным. Ни одного приговора на смертную казнь не подписал. Ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик. При приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим».

А. В. Суворов

Содержание

Генералисимус Суворов	8
Часть первая	8
Глава первая	8
I	8
II	10
III	14
IV	17
V	18
VI	19
VII	20
VIII	22
IX	23
X	25
XI	26
XII	30
XIII	31
XIV	34
XV	35
XVI	36
XVII	39
XVIII	39
XIX	40
Глава вторая	41
I	41
II	42
III	44
IV	47
V	49
Глава третья	50
I	50
II	55
III	56
IV	58
V	60
VI	63
Глава четвертая	64
I	64
II	69
III	71
IV	73
Глава пятая	76
I	76
II	79
III	81
IV	83
V	84

VI	86
VII	88
Глава шестая	89
I	89
II	94
III	96
IV	99
V	101
Глава седьмая	104
I	104
II	107
III	110
IV	115
V	119
Глава восьмая	122
I	122
II	124
III	127
IV	129
V	131
VI	134
VII	136
VIII	138
IX	140
Глава девятая	142
I	143
II	145
III	147
IV	149
V	150
VI	152
VII	153
VIII	155
IX	160
X	164
XI	166
Часть вторая	169
Глава первая	169
I	169
II	171
III	172
IV	176
V	178
Глава вторая	180
I	180
II	184
III	185
IV	186
V	190

Конец ознакомительного фрагмента.

191

Леонтий Раковский Суворов. Кутузов

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

«Ваша кисть изобразит черты лица моего – они видны. Но внутреннее человечество мое сокрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего. Во всю жизнь мою никого не сделал несчастным. Ни одного приговора на смертную казнь не подписал. Ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик. При приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим».

«Тяжело в учении – легко в походе! Легко в учении – тяжело в походе!»

«Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу. Но единственное, смешанное с оною – военное искусство».

А. В. Суворов

«С такими молодцами – и отступать?»

«Чтобы спасти Россию, надо сжечь Москву».

«Победить не берусь, перехитрить попробую».

«Я для России только счастливая случайность».

«Главное не крепость взять, а войну выиграть».

«Война закончилась за полным истреблением неприятеля».

«Я прощаю, государь, но Россия вам этого никогда не простит».

«Горе земле, в которой подчиненные, начальники и суды, а не законы управляют гражданами и делами».

М. И. Кутузов

Гениралисимус Суворов

Часть первая

Глава первая Подполковник Суворов

Потомство мое просиу брать мой пример.
Суворов

I

Русская армия шла вперед.

Вся дорога, насколько можно окинуть глазом, была запружена повозками и пушками, людьми и лошадьми. Из лощины на гору, с пригорка в дол, сквозь перелески и буераки, мимо чистеньких немецких мыз и деревень бесконечной вереницей один за другим тянулись полки.

Побуревшие от солнца и пыли зеленые кафтаны мушкатеров и гренадер сменялись красными кафтанами артиллеристов. За однообразными васильковыми мундирами драгун и такими же однообразными колетами¹ кирасир плыли разноцветные – желтые, синие, красные, белые, голубые ментики² гусар. Казачьи бороды и скуластые лица башкир из легкой кавалерии мелькали и там и тут. В тучах густой пыли, поднятой тысячами людских и конских ног, тонули придорожные луга и поля.

Армия графа Салтыкова, разбив пруссаков под Пальцигом, продвигалась к Франкфурту-на-Одере.

Подполковник Александр Васильевич Суворов, прикомандированный в качестве дежурного офицера к штабу 1-й дивизии генерала Фермора, ехал по обочине дороги на своем неказистом на вид, но горячем донце. Генерал Фермор послал его подтянуть арьергард, и теперь Суворов догонял свою дивизию.

Суворов только что прибыл в действующую армию и с интересом наблюдал за всем. И в первый же день ему многое здесь не понравилось.

Армия двигалась очень медленно – часто останавливалась на дороге. То падал от бескормицы упряжный вол, то где-либо в обозе ломалась телега, не вынесшая далекого, тысячеверстного пути, и проходило несколько минут, пока фурлейты³ не сбрасывали ее в канаву. То измученные, исхудавшие в непрерывных походах артиллерийские лошади не могли втащить на гору двухкартаульную⁴ гаубицу, пока ее красный лафет со всех сторон не облепляли артиллеристы.

И сразу весь этот поток останавливался. Повозки наезжали друг на друга, напирали на идущую впереди пехоту. В воздухе стояла ругань.

¹ Колет – куртка с короткими полами.

² Ментик – гусарская куртка.

³ Фурлейт – обозный солдат.

⁴ Картауль – калибр пушки, у которой бомба весила пуд.

Эта медлительность, эти бесконечные остановки раздражали Суворова: в его представлении армия должна быть подвижной, быстрой, а на деле она еле плелась, с трудом делая по восьми верст в сутки.

Энергичный, горячий Суворов не мог дремать в седле, как делали многие офицеры. И он был доволен, что генерал Фермор послал его с поручением к арьергарду. Суворов видел всю армию на походе. Его неприятно поразила необозримая вереница этих полковых и офицерских обозов.

Еще раньше Суворов знал, что в армии большой некомплект: много солдат осталось в России – «у корчемных сборов», «у соляных дел», «у сыску воров», «для поимки беспаспортных» и для прочих невоенных дел. В пехотном полку вместо положенных двух тысяч солдат едва насчитывалось полторы. И те совершенно тонули в бесконечном множестве колясок, повозок и телег.

Вслед за 12-й, мушкатерской ротой каждого полка обязательно тащилось больше сотни подвод.

Первой шла денежная палуба. На ней стоял окованный железом денежный сундук. Весь полк знал, что в сундуке пусто, но по обеим сторонам палубы, с фузеями⁵ наперевес, брели двое мушкатеров.

За денежной следовала канцелярская, на которой, уткнувшись головой в мешок с овсом, безмятежно спал аудитор.⁶

Дальше тянулись госпитальные повозки с легко ранеными, заболевшими, отставшими в пути солдатами, с полковыми фельдшерами и цирюльниками.

Тяжело поскрипывали провиантские палубы с мешками муки и солдатскими сухарями, – другого провианта не было. Тарахтели палубы с шанцевым инструментом. Белелись палаточные.

Полковой обоз кончался. За ним начинался самый многочисленный и пестрый – офицерский. Тут, в кибитках и колясках, ехали офицерские жены и любовницы. Повозки были набиты доверху разным домашним добром – кроватями, пуховиками. Более запасливые везли в клетках кур и гусей. Где-то визжал поросенок.

На повозках ехали и возле повозок шли сотни денщиков, поваров и прочих офицерских слуг, набранных из строевых солдат.

И, наконец, весь полковой обоз замыкали роспуски с деревянными рогатками, которыми каждый полк ограждал себя на бивуаках и в бою от набегов вражеской конницы.

Суворов не мог видеть этих краснорожих денщиков и офицерских жен и старался поскорее проскочить мимо них, чтобы ехать возле рядов мушкатеров или гренадер.

Он нагнал пехотные полки 3-й дивизии графа Румянцева и ехал, невольно слушая, что говорят сбоку.

– Не перекладывай фузеи с плеча на плечо – легче не станет, – поучал какого-то, видимо, молодого, малохожалого солдата «дядька». – Коли вбилось тебе в голову, что тяжело, то хоть последнюю сорочку сыми, все тяжело будет!

В другой роте кто-то рассказывал, вспоминая:

– Отец мне и говорит: «Полно тебе, Лешка, баловать, пора умом жить. Я тебе сосватал Федосью». Бухнул я отцу в ноги – смиловившись, тятенька. А он и ухом не ведет. Всю неделю до свадьбы пропьянствовал без просыпу. Обвенчали. На другой день оглянулся я – да поздно. Жена – смиренная, работающая, годов на десять меня старше. И бельмо на глазу. А мать у нее вовсе слепая. Парни смеются: у вас, говорят, на троих – всего три глаза. Озверел я. Избил жену и пошел на сеновал. Лежу и слышу – у нас на задворках бабы судачат: «Видала, Лешка-

⁵ Фузея – ружье.

⁶ Аудитор – военный чиновник.

то свою хозяйку окстил! Знать, любит, коли бьет!» Я вскочил да в кабак. А потом повалился отцу в ноги – сдавай в солдаты, не то руки на себя наложу...

Несколькими рядами дальше шел другой разговор:

– Подошву чистым бы дегтем намазать, да золой присыпать, да выставить на солнышко – всю Европу на них прошел бы, а то – вон уже на подвертках иду!

Суворов поравнялся с Апшеронским полком, который шел непосредственно за полками 1-й дивизии. Подымались на гору, ехать быстро было нельзя.

Суворов смотрел на рослых, плечистых мушкатеров 1-й роты. Немного впереди него, крайним в ряду, шел молодой русоволосый солдат. Он то и дело подергивал плечами: видимо, с непривычки сильно резал плечи тяжелый ранец. Сосед рекрута, пожилой рябоватый мушкатер, поглядывал на него, а потом взял у молодого солдата с плеча фузею и негромко сказал:

– Ильюха, поправь ранец!

Рекрут сразу ожил, поднял голову и стал подтягивать ремни. Но в это время откуда-то из рядов раздался начальственный окрик:

– Иванов, зачем балуешь рекрута? Какой из Огнева солдат будет, ежели с фузеей не справится?

Рекрут торопливо потянул из рук старого солдата свою фузею.

– Егор Лукич, пушай парень хоть ремни-то поправит, – ответил рябой солдат.

Но Егор Лукич уже не слышал ответа: увидев, что возле его капральства⁷ едет какой-то штабной офицер (у Суворова была повязка на рукаве), капрал продолжал показывать старание – распекал еще кого-то:

– А ты чего захромал?

– Пятку стер, дяденька.

– Обуваться не умеешь, мякина! Придем на место, салом натри – пройдет, – по привычке сказал капрал всегдашнюю в таких случаях фразу.

Рябой солдат усмехнулся и довольно громко заметил:

– Умный какой. Да кабы сало у кого было...

– Давно бы съели, – досказал за него сосед.

Поднялись на гору.

Впереди Суворов увидал знакомую картину. Над морем бесконечных повозок, палуб и телег возвышалась вереница верблюдов, – это шесть верблюдов вместе с двадцатью лошадьми везли багаж генерала Фермора: его роскошные палатки, мебель, кухонную и столовую посуду и многочисленных генеральских слуг.

Суворов покачал головой:

«Нет, с таким табором не нагрянешь внезапно на врага! Восемь верст в сутки, помилуй Бог! Это не армия на походе, а барыня, едущая на богомолье!»

II

*Мы во Пруссии стояли,
Много нужды принимали.*

Солдатская песня

Мушкатер Ильюха Огнев, подложив под голову руки, лежал в тени палатки. Высоко вверху, как пушинка по воде, легко плыло белое облачко. Оно плыло в сторону Мельничной

⁷ Капральство – отделение.

горы, к правому флангу, плыло на восток, на родину. Ильюха смотрел на него и с грустью думал все об одном и том же:

«Вот облачко поплыло туда. Может, его увидят скоро и у нас, в Ручьях. Посмотрят на него. Мать, сестренка Любка, черноглазая Катюша...»

Тоскливо сжалось сердце. Захотелось домой, в родную деревню, хотя Ильюхина жизнь и там была несладка – от зари до зари гнуть спину на барщине.

Огнева только нынешней весной сдали в рекруты. Староста невзлюбил дерзкого, непокорного парня, которого бей не бей – он все свое.

«Вот погоди, в царской службе тебе хорошо перья обломают!» – злорадствовал староста, когда Ильюху под истошный плач старухи матери и сестренки увозили из деревни.

В службе Ильюху действительно хорошо обломали. Два месяца гоняли с места на место по разным городам. Зуботычинами да палками учили постигать военную премудрость: как «метать артикулы», как заплетать косу да подвязывать порыжелые, никуда не годные кожаные штиблеты – других в цейхгаузе не было.

Наконец, решив, что достаточно обучили военному делу, отправили Огнева с пополнением к армии, которая уже второй год занимала Восточную Пруссию.

Ильюха был назначен в 3-ю дивизию графа Румянцева, в Апшеронский пехотный полк.

Русская армия в Ильин день заняла город Франкфурт-на-Одере и стала бивуаком на высоких обрывистых холмах правого берега реки. Тут-то Огнев и нагнал свой полк.

Он попал в капральство Егора Лукича, старого, бывалого солдата, ходившего на турка, бравшего с фельдмаршалом Минихом Перекоп.

Егор Лукич любил покричать, но бил солдата меньше, чем другие капралы.

Ильюха Огнев оказался в капральстве Егора Лукича самым молодым: ему всего-навсего шел девятнадцатый год. Остальные подначальные Егора Лукича поседели на службе: кто тянул лямку уже пятнадцать лет, а кто – и все двадцать.

Старики давно свыклись с тяжелым солдатским положением. Большинство из них обзавелось женами и детьми – семьи жили вместе с ними в солдатских слободах или на обывательских квартирах – и родные деревни как-то понемногу выветрились из памяти. Привыкшие к походной жизни, выдавшие и Крым, и Польшу, старые солдаты и за тысячу верст от родимого края чувствовали себя как дома.

Огневу же все здесь было непривычное и чужое. Непривычны были эти чистые немецкие мызы, эти ветряки, эти медлительные дородные немецкие девушки. То ли дело подвижная, смешливая ручьевская Катюша!

Огнев никак не мог свыкнуться с мыслью, что он на всю жизнь должен остаться солдатом. Пока Лукич учил его, как ставить палатку или как заряжать фузею («Не спеши! Помни: уронишь патрон аль два раза осечка будет – палок дадут!» – поучал старик), Ильюха забывал о доме. Но стоило Огневу остаться одному, как теперь вот, и опять вспоминались родные Ручьи.

Ильюха лежал и живо представлял, что делается сейчас дома. Помещичье поле... Согнувшись в три погибели, бабы жнут яровые. Мать, проворная маленькая старуха, жнет ловко и быстро. Рядом с ней – пятнадцатилетняя Любка обливается потом, спешит, не хочет отстать от баб. Вдоль полосы едет верхом барский приказчик. Песья душа. Помахивает нагайкой, шурит коричневые злые глаза на согнутые бабьи спины...

– Черт косой! Портупея-то у тебя как? Потуже подтяни! – раздался где-то рядом начальственный окрик.

От Ильюхиных мыслей не осталось и следа. Он с досадой приподнялся и сел. Глянул вокруг.

Из соседней палатки торчали чьи-то босые грязные ноги. В тени, под кустиком, пятидесятилетний мушкатер Зуев латал свои штаны. Штаны были когда-то, как полагается муш-

катеру, из красного сукна, а теперь от множества заплат красное рдело на них лишь кое-где. Рядом с ним гренадер чинил башмак.

Русская армия сильно обносилась, обозы с амуницией все не приходили из России, а во Франкфурте в складах нашли только кирасы.⁸

Дальше полковой цирюльник брил музыканта. Музыкант с зелеными суконными накладками на плечах – «крыльцами» – важно восседал на барабане.

А немного в стороне, на пригорке, денщик ротного чистил барский гардероб.

Ротный, в халате и туфлях, стоял тут же, покуривая и покрикивая на денщика.

Все то же, что Огнев видел в лагере на Франкфуртских холмах каждый день уже в продолжение целой недели.

Откуда-то из 3-й роты доносилось:

– Скуси патрон, чтобы в зубах осталось немного пороху, всунь в дуло и прибой шом-полом. Прибивай одним махом, а не так, как другой: возьмет и толчет, ровно крупу в ступе. Понял?

Это дядька обучал молодых, как заряжать фузею: в полках третья часть солдат была не обучена как следует.

«Все то же!.. Разве заснуть?» – подумал Огнев.

Но в это время его кликнул Егор Лукич:

– Огнев!

– Я тут, дядя Егор! – вскочил Огнев.

– Сбегай, Ильюха, за водой. Глянь – Иванов опять тартофелю раздобыл! – сказал Егор Лукич, когда Огнев прибежал к капральской палатке.

Ильюха кинулся за башмаками, но капрал остановил его:

– Да беги босиком! Беги так!

Ильюха схватил котелок и побежал знакомой дорогой к ручью.

Апшеронцам, которые стояли на краю горы Большой Шпиц, против деревни Кунерсдорф, было сподручнее бегать за водой в деревню. Она лежала справа, между Большим Шпицем и Мельничной горой. В Кунерсдорфе были колодцы и три больших пруда. Но кроме апшеронцев и ростовцев, палатки которых расположились еще левее, ближе к оврагу, в деревне брал воду весь правый фланг, весь корпус князя Голицына. Помимо того, у деревни, на выгоне, разместился корпусной артиллерийский полк. Вся деревня была полна фузилерных и фурштатских служителей,⁹ фурлейтов и денщиков; всюду мелькали красные с черными обшлагами кафтаны артиллеристов. В больших кунерсдорфских прудах целый день купались солдаты, здесь же купали лошадей, стирали белье, мыли палубы и телеги.

К колодцу тоже было не протолкаться.

Ильюха решил бежать налево, на другой конец Большого Шпица, к ручью. Сюда собиралось меньше народу: вода в ручье была ржавая, болотная, берега – топкие.

Но Ильюхе вода нужна была не для щей, а только лишь для того, чтобы сварить эти «чертовы яблоки», как называли солдаты картофель.

Огнев здесь впервые увидел диковинный овощ. Картофель понравился ему.

Ильюха готов был один съесть полкотелка, если бы Егор Лукич не покрикивал.

И как тут было не любить картофеля, когда изо дня в день варили пустые щи из лебеды и крапивы да одну и ту же ячменную кашу.

До смерти надоело! Правда, кроме водки и хлеба, каждому мушкатуру полагалось еще в день два фунта мяса. Да откуда его возьмешь! Только в обозе, где резали упряжных быков, которые от бескормицы и худых дорог ежедневно падали десятками, ели мясо. Было оно

⁸ Кираса – латы, металлический панцирь на спину и грудь.

⁹ Фузилер – мушкатор, фурштатский – обозный.

и в офицерских котлах. Но в мушкатерских – не случалось. Оттого мушкатеры рады были картофелю.

Хотя у Франкфурта стояло больше сорока тысяч русских и около двадцати тысяч союзников австрийцев и солдаты хорошо наведывались в поля и огороды форштадта, окрестных деревень и мыз, но тороватый мушкатер Иванов все-таки ухитрился накопать полный котелок картофеля.

Ильюха бежал, утирая пот рукавом сорочки, – бежал без кафтана, в одном камзоле: все равно было жарко.

Июльское солнце жгло, как и все дни, немилосердно. Только когда оно спускалось туда, за самую высокую из всех трех гор – Еврейскую, где стояли левофланговые 1-я и 2-я дивизии, тогда становилось немного полегче.

Но до заката было еще далеко.

Огнев пробежал расположение соседей – своего брата пехоты, – пробежал мимо батареи секретных шуваловских единорогов. У каждой гаубицы дуло закрыто было медной крышкой. Вокруг батареи, изнывая от жары, стояли часовые, чтобы никто не подходил к единорогам. Шуваловцы давали особую присягу – никому не рассказывать о секретных гаубицах, но вся армия давно знала, что у единорогов дуло не круглое, а такое, как яйцо.

За батареей начиналась вся эта неразбериха полковых и офицерских обозов. На холме и в овраге теснились сотни повозок, палуб и телег.

Вокруг одной палубы толпились солдаты разных полков. Ильюха подбежал посмотреть, что там такое.

На палубе, свесив вниз ноги, сидел прусский перебежчик – большой плечистый мужчина лет сорока, со смешными, торчком поставленными маленькими усиками.

Молодые солдаты, которые еще ни разу не видали прусских гренадер, лезли вперед, чтобы получше разглядеть гостя. А старики, покуривая, стояли в сторонке. Разговаривали:

– Не спорь, пруссак лучше нас стреляет...

– Да ты скажи – почему?

– Потому, что у тебя в патронной суме сколько пуль?

– Пятнадцать.

– А у него больше.

– Так и у нас в обозе, в патронных ящиках, лежит по пятнадцати пуль на каждого солдата...

– Ладно. Ты спроси вот у него, у фурлейта, он те скажет, много ль у них на палубах патронов осталось.

– Петров, погоди, – вмешался другой солдат, – я вот что скажу. Эй, парень! – потянул он за рукав Ильюху, который стоял возле спорящих.

Ильюха обернулся.

– Ты в бою бывал? – спросил у него какой-то седоусый гренадер.

– Нет еще, – почему-то смутился Огнев.

– А стрелял когда-либо из фузеи, хоть раз?

– Нет, не стрелял. Дядя Егор только приемы показал...

В толпе захохотали.

– Ну, вот видишь. Много ль такой попадет! А ведь, как говорится, выстреля, пули не поймает! И таких, как он, у нас чуть не половина.

– Старых солдат немного осталось, – прибавил другой.

– В новом корпусе, что на правом фланге стоит, рекрутов – целые роты.

Огневу этот спор был неинтересен. Он понемногу протискивался вперед, поближе к палубе.

Возле палубы стоял какой-то аудитор. Он служил переводчиком между пруссаком и русскими солдатами, которые задавали ему вопросы. Перебежчик словоохотливо говорил.

Ильюха во все глаза рассматривал немца.

– Ишь ведь, по-каковски лопочет, а не собьется! – сказал кто-то из стоявших впереди Ильюхи.

– Тише! Погоди ты! – зашипели на него соседи: все внимательно слушали аудитора, который переводил, что сказал немец.

– У них, говорит, ни минуты свободной нет. Солдат должен весь день что-либо делать. Так стоять без работы, как мы сейчас стоим, у них не позволили б. То фузею смазывай, то ремни бели, то пуговицы начищай. Не справишь чего – бьют палкой. У каждого капрала – палка. Вот он ей и охаживает.

– Наши капралы неплохо и без палки бьют! – вполголоса сказал кто-то.

– А спроси у немца, за какие провинности бьют? – крикнули из толпы.

Аудитор перевел вопрос. Пруссаk улыбнулся и что-то быстро ответил.

– Он говорит, что у них – всякая вина виновата. И старший – всегда прав. Слова против него не скажи, – насмерть убьет и отвечать не будет!

– Вот и служи!

– Хороша жизнь, нечего сказать!

– У нас бьют, так куда денешься: служба! А они ведь все наемные. За деньги служат! – говорили в толпе.

Ильюхе Огневу страсть хотелось больше бы послушать, да нужно было бежать за водой: Егор Лукич за пожданье тоже не помилует.

И Огнев стал выбираться из толпы.

III

Суворов в первый раз присутствовал на военном совете.

На дворе было ослепительное солнце, а в столовой палатке главнокомандующего, обитой голубой парчой, горели свечи. Вокруг большого обеденного стола, на котором лежала карта Франкфурта и его окрестностей, сидели все старшие начальники русской армии: сам главнокомандующий, маленький, весь седой старичок граф Петр Семенович Салтыков, его заместитель и начальник 1-й дивизии генерал Фермор и командиры остальных дивизий – генерал-поручик Вильбуа, Голицын и Румянцев.

Суворов с бумагами и карандашом пристроился на противоположном, свободном от карт конце стола. У его ног, под столом, лежали, высунув от жары языки, две борзые: Салтыков очень любил псовую охоту и, уезжая к армии, взял с собою свою любимую свору собак.

На совете говорили все о том же, о чем за два года войны с королем прусским Фридрихом II надоело даже говорить.

С начала вступления России в войну, с 1757 года, русская армия делала все, чтобы соединиться со своими союзниками – австрийцами. Заняв Восточную Пруссию, русские шли вперед, австрийцы же боялись отойти от границ Богемии, несмотря на то что их армия была втрое больше русской.

Когда десять дней назад, 20 июля 1759 года, Салтыков, взяв Франкфурт, очутился всего в семидесяти верстах от Берлина, австрийский фельдмаршал Даун не сдвинулся с места. Только двадцатитысячный отряд генерала Лаудона присоединился 21 июля к русским у Франкфурта и стал впереди левого крыла русской армии, на Красной Мызе.

Сегодня, 30 июля, Салтыков получил от Дауна извещение, что главные австрийские силы могут перейти в наступление, лишь соединившись с русскими. Даун требовал, чтобы Салтыков отступил назад, к Кроссену.

– Кроссен-де условлен для соединения. А занявши Кроссен, нашли мы в нем хоть одного австрийца? Выиграли такую наижесточайшую баталию под Пальцигом, взяли Франкфурт, ин-нате, извольте отступать! Это черт-те знает что! – горячился Салтыков.

Генералы молчали. Все думали то же, что и главнокомандующий.

Румяный, пухлощекий Вильбуа, надменный в обращении с подчиненными, но подобоострастный с высшими, угодливо кивал головой.

Умный Румянцев, опершись подбородком об эфес сабли, задумчиво смотрел на разостланную перед ним карту.

Начальник Обсервационного корпуса, добродушный князь Голицын, барабанил по столу пальцами. Он нервничал. В его распоряжении было много артиллерии – шуваловских секретных гаубиц. В бесконечных же переходах по тяжелым песчаным дорогам, при всегдашней нехватке фуража, ежедневно падали десятки лошадей и упряжных волов, а пушечные лафеты, расшатанные в бою при Пальциге и наскоро починенные в Кроссене, не выдержали перехода даже до Франкфурта.

Красивое, слегка бледное лицо Фермора кривилось снисходительной улыбкой.

Всего лишь месяц тому назад он сдал командование армией графу Салтыкову, согласившись при этом остаться его заместителем. Как ни писал Фермор императрице Елизавете Петровне, что эту замену «не токмо себе за обиду не почитаю, но, припадая к стопам вашего императорского величества, рабское мое благодарение приношу», а все-таки в душе был глубоко оскорблен.

И как было не обижаться? Его, генерала Фермора, которого хвалил сам фельдмаршал Миних, генерала, поседевшего в боях, заменили – и кем же? Ни разу не командовавшим войсками в бою Салтыковым, все достоинство которого заключалось лишь в том, что он был родственником императрицы.

Когда Салтыков, проезжая через Кенигсберг, ходил по улицам в своем белом кафтане без единого ордена, на него обращали не больше внимания, чем на какого-либо полкового аудитора. Салтыков был прост во всем: в своей жизни, в обращении с людьми. Фермор же держал себя очень важно и любил пышность. Одевался Фермор всегда щегольски – в голубой кафтан с красными отворотами. Было душно, но Фермор сидел в парике, напудренный, аккуратный. И даже по кафтану у него сегодня шла через плечо голубая орденская лента.

Салтыков, разморенный духотой, небрежно расстегнул свой когда-то белый, но изрядно потемневший от ежедневной носки старый ландмилицкий¹⁰ кафтан, который нашивал, еще командуя ландмилицией на Украине. Парика Салтыков сегодня вовсе не надел и время от времени вытирал платком голову, пухлое лицо и старчески сморщенную шею.

Фермор смотрел на главнокомандующего и ликовал: «Пусть-ка этот барин узнает, легко ли командовать армией, когда руки связаны, с одной стороны, петербургской Конференцией,¹¹ а с другой – австрийским гофкригсратом¹²».

– Что ж будем делать? – прервал молчание Салтыков. – Ну-с, господин подполковник, каково ваше мнение? – обратился он к младшему среди присутствующих.

– Идти навстречу врагу! – твердо сказал Суворов.

Все оглянулись на него; то, что сказал подполковник, противоречило общепринятым правилам тогдашней стратегии, казалось абсурдом.

Вильбуа смотрел на тщедушного подполковника с явным пренебрежением; какую чепуху несет человек!

¹⁰ Ландмилиция – местное земское войско, организованное Петром I.

¹¹ Конференция – придворный военный совет, руководивший из Петербурга военными действиями русской армии за границей.

¹² Гофкригсрат – австрийский придворный военный совет.